

Лермонтов Михаил Юрьевич

**Детство и юность М.Ю.
Лермонтова и сборник его
стихотворений**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
М69

М69 **Михаил Юрьевич Л.**
Детство и юность М.Ю. Лермонтова и сборник его стихотворений / Лермонтов
Михаил Юрьевич – М.: Книга по Требованию, 2022. – 112 с.

ISBN 978-5-519-93270-7

ISBN 978-5-519-93270-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Дѣтство и юность М. Ю. Лермонтова.

ГЛАВА I.

Въ Москвѣ, противъ Красныхъ воротъ, стоялъ небольшой домъ, принадлежавшій генераль-майору Толю. Осенью 1814 г. здѣсь поселилась семья Лермонтовыхъ, состоявшая изъ отставнаго капитана Юрія Петровича—веселаго красиваго блондина, изъ жены его Маріи Михайловны—блѣдной, изящной женщины и ея матери—властной помѣщицы съ гордой осанкой и съ вѣчнымъ словомъ „ты“ на устахъ, къ кому бы она ни обращалась.

Молодые ждали ребенка.

Появленіе первенца было окружено всевозможными заботами. Изъ имѣнія заранѣе выписали двухъ кормилицъ; изъ нихъ окончательный выборъ палъ на здоровую, краснощекую Лукерью.

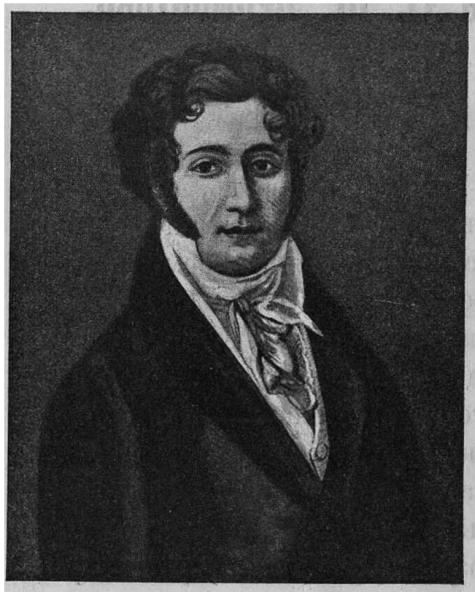
Со 2-го на 3-е октября у молодыхъ родился сынъ и былъ названъ по настоянію бабушки Михаиломъ—въ честь дѣда по матери.

Вскорѣ послѣ этого вся семья Лермонтовыхъ вернулась въ имѣніе Тарханы, Пензенской губерніи.

Барскій домъ въ Тарханахъ утопалъ въ цвѣтахъ и зелени, толпы крѣпостныхъ были готовы къ услугамъ господъ, въ просторныхъ комнатахъ блестѣла позолотой тяжеловѣсная старинная мебель, а со стѣнъ смотрѣли портреты сановныхъ предковъ со стороны бабушки—Ели-

заветы Алексѣевны Арсеньевой, урожденной Столыпной. Но не было радости въ этомъ домѣ среди богатства и роскоши...

Родители Михаила Юрьевича жили несчастливо. Горе и болѣзнь съ каждымъ днемъ подтачивали и безъ того слабый организмъ Маріи Михайловны. Всего третій годъ пошелъ Мишѣ, когда она умерла.

Юрій Петровичъ Лермонтовъ, отецъ поэта.

Февраль подходилъ къ концу. Скрылись куда-то свинцово-неподвижныя зимнія тучи и солнце уже начинало грѣть по-весеннему. Но вмѣстѣ съ приближеніемъ весны, вошла въ домъ Лермонтовыхъ смерть и унесла съ собой эту хрупкую блѣдную женщину...

Пустотой и печалью наполнился домъ Лермонтовыхъ послѣ смерти Маріи Михайловны.

Вернувшись съ похоронъ и справивъ обычныя утомительно-

длинные поминки, Елизавета Алексѣевна неподвижно сидѣла въ своей спальнѣ, не спуская глазъ съ портрета молоденькой красивой дѣвушки, какою была ея дочь до замужества. Она не плакала, но глубокое горе застыло въ чертахъ ея лица и во всей величавой фигурѣ.

Въ дверь постучались.

Елизавета Алексѣевна подняла голову и лицо ея вдругъ покрылось холодной непроницаемостью, подѣ которой уже нельзя было замѣтить неутѣшнаго горя и недавнихъ слезъ.

— Войди!—сказала она спокойно. Въ комнату вошелъ Юрій Петровичъ.

— Я хотѣлъ объясниться съ вами относительно моего сына,—началъ онъ взволнованно.

Елизавета Алексѣевна смѣрила его съ ногъ до головы презрительнымъ взглядомъ.

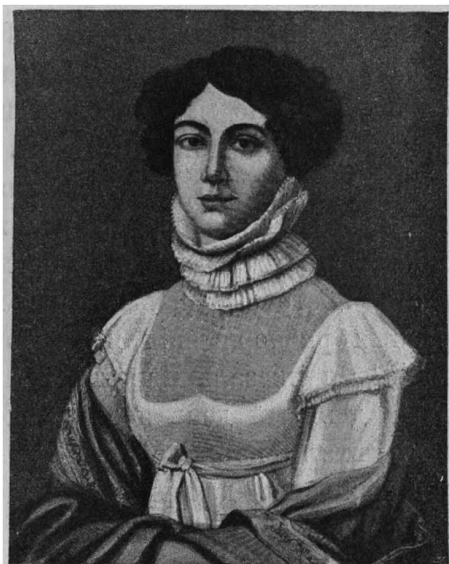
— Я уже сказала, что мой внукъ останется у меня!

— Но позвольте...

— Достаточно того, что ты вогналъ въ могилу мою дочь. Вспомни лучше—развѣ ты ей пара!

Между Елизаветой Алексѣвной и ея зятемъ началось бурное объясненіе. Съ каждымъ словомъ голосъ Юрія Петровича становился раздраженнѣе, въ то время, какъ голосъ Елизаветы Алексѣвны—холоднѣе и презрительнѣе. Кончилось ссорой, но Мишу отецъ все же согласился оставить у бабушки: пока ему нуженъ будетъ женскій уходъ.

Когда Юрій Петровичъ вышелъ изъ комнаты, лицо Елизаветы Алексѣвны снова покрылось безутѣшной скорбью. Она встала и медленно побрела по опустѣвшимъ комнатамъ. Отовсюду вѣяло на нее странной, непривычной пустотой. Въ залѣ, гдѣ всего нѣсколько часовъ тому назадъ на большомъ ломберномъ столѣ лежало тѣло покойницы, гдѣ звучало торжественное пѣніе и толпился

Марія Михайловна Лермонтова, мать поэта.

народъ,—теперь казалось какъ-то особенно просторно и тихо, жутко-тихо.

За окномъ стояли деревья,—по-зимнему нарядно-бѣлыя, задумчивыя... Но въ подристомъ, кое-гдѣ подтаявшемъ снѣгу, въ возбужденномъ чириканьи воробьевъ и въ самыхъ отгѣнкахъ неба уже чувствовалось едва уловимое приближеніе весны. Форточка была открыта и легкій морозный вѣтеръ неся изъ сада, но по угламъ еще пахло ладаномъ.

Войдя въ спальню дочери, Елизавета Алексѣевна опустилась на колѣни передъ образомъ Маріи Египетской и долго безмолвно молилась. Затѣмъ она встала, оправила привычнымъ спокойно-гордымъ жестомъ сѣдые волосы и велѣла позвать къ себѣ управляющаго.

— На мѣстѣ этого дома я желаю воздвигнуть храмъ Маріи Египетской въ память моей дочери, а для насъ будетъ построенъ новый флигель. Завтра я сдѣлаю подробныя распоряженія и пусть немедленно примутся за работу!—приказала Елизавета Алексѣевна.

На девятый день послѣ похоронъ жены Юрій Петровичъ уѣхалъ изъ Тарханъ.

Лишившись дочери, Елизавета Алексѣевна перенесла всю любовь и заботы на своего внука. Она поставила его кроватку къ себѣ въ спальню и, глядя на болѣзненнаго, золотушнаго ребенка, съ ужасомъ думала:

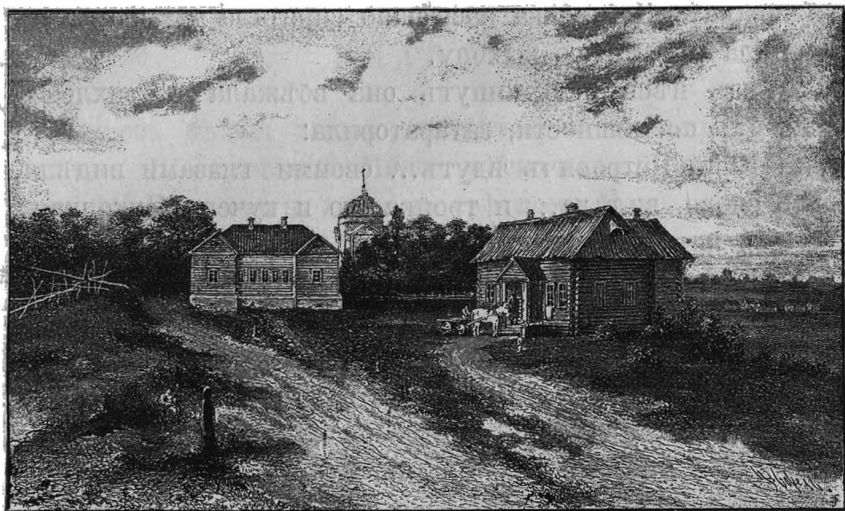
„Неужели и онъ не жилецъ на этомъ свѣтѣ?..“

Г Л А В А II.

Къ зимѣ бабушка со внукомъ поселились въ новомъ только что построенномъ флигелѣ, а на мѣстѣ стараго дома—заложили фундаментъ церкви.

Комнаты во флигелѣ меньше, но отъ старинной обстановки вѣетъ все тѣмъ же барствомъ и роскошью.

Спускались раннія зимнія сумерки. Елизавета Алексѣевна полулежала на кушеткѣ въ „угольной“. На коврѣ, возлѣ камина, сидѣлъ Миша. Красный свѣтъ заливалъ его блѣдное личико; расширенными темными глазами ребенокъ внимательно слѣдилъ, какъ синіе и красные огоньки перебѣгаютъ по угольямъ. Около Елизаветы Алексѣевны сидѣли двѣ любимыя приживалки — худенькая, юркая Домнушка и толстая Федосеевна.

Село Тарханы. Мѣсто, гдѣ жилъ М. Ю. Лермонтовъ въ дѣтствѣ.

— Столъ—полъ, окошко—кошка...—медленно повторялъ Миша, видимо, вслушиваясь въ звуки своихъ собственныхъ словъ.

— Удивляюсь—и откуда это малышъ такой научился рѣшмы подбирать!—сказала бабушка.

— Да, да, матушка, все-то въ рихму, все-то въ рихму,—залебезила Домнушка.

— Съ октября уже четвертый годъ пошелъ Мишенькѣ: вотъ бы покойница Марй на него радовалась!—вздохнула Елизавета Алексѣевна.

— И кабы не муженекъ, не Юрій Петровичъ, жила бы да жила голубушка Марія Михайловна, царство ей небесное, вѣчная память! Да и нѣшто онъ пара быть вашей дочкѣ, роду онъ незнатнаго, захудалаго...

— Да, далеко ему до рода Столыпиныхъ, — съ гордостью замѣтила бабушка.

Въ это время вдали послышался звонъ бубенцовъ...

— Слышишь? Должно-быть, къ намъ сосѣди ѣдутъ, поди-ка, погляди, — обратилась Елизавета Алексѣевна къ приживалкѣ. Домнушка поспѣшно спрятала вязанье и засѣменила ногами къ выходу.

Черезъ нѣсколько минутъ она вбѣжала и, захлебываясь отъ поспѣшности, затараторила:

— Юрій Петровичъ ѣдутъ... своими глазами видѣла, право слово, видѣла... и тройка его и кучеръ Николка... Сейчасъ подъѣдутъ, сами увидите!

У молчаливой Федосеевны въ глазахъ забѣгали злорадные огоньки, она близко наклонилась къ Елизаветѣ Алексѣевнѣ и таинственно прошептала:

— Послушайте меня, благодѣтельница, скажу вамъ — не спросту ѣдутъ Юрій Петровичъ, какъ бы грѣха не вышло!..

— Какого грѣха? — холодно спросила Елизавета Алексѣевна.

— А такого, матушка, не выкраль бы онъ дитѣ наше!

На лицо бабушки набѣжала тѣнь.

Домнушка всплеснула руками и захныкала:

— И то, матушка, скрадетъ онъ, злодѣй, нашего Мишеньку ненагляднаго... Для того и на тройкѣ прискакалъ, чтобы дитѣ наше увезть!..

Елизавета Алексѣевна выпрямилась и, скрывая волненіе, властно приказала:

— Федосеевна, сейчасъ же вели Никиткѣ скакать на почтовыхъ за моимъ братомъ Аванасіемъ Алексѣевичемъ!

— А пока что, благотѣтельница, не спрятать ли намъ Мишеньку у сосѣдей?—предупредительно спросила Домнушка.

Въ это время на крыльцо уже вѣходилъ Юрій Петровичъ.

Бабушка едва поздоровалась съ нимъ и приказала дворнѣ ни на минуту не спускать съ глазъ ребенка. Такъ встрѣчали въ Тарханахъ Мишинаго отца.

Г Л А В А III.

Сквозь бѣлыя шторы въ дѣтскую глядитъ утреннее солнце. Шестилѣтній Миша нѣсколько минутъ внимательно наблюдаетъ, какъ на свѣтломъ фонѣ шторъ трепещутъ зеленовато-сѣрые силуэты листвы и вдругъ, вспомнивъ, что сегодня пикникъ, громко кричитъ:

— Идите скорѣй, я проснулся!

Въ дѣтскую поспѣшно входятъ няня—Ариша, Федосеевна и двѣ сѣнныя дѣвушки.

Миша безпрекословно даетъ себя одѣть—онъ въ духъ...

Поздоровавшись съ бабушкой и напившись горячаго молока со сдобными булками, Миша выбѣгаетъ въ садъ. Онъ идетъ по густой аллеѣ изъ акацій и, глядя на зеленый сводъ вѣтвей, воображаетъ себя гдѣ-то въ сказочномъ гротѣ. Аллея спускается прямо къ пруду. Миша долго стоитъ на берегу и, всматриваясь въ темно-зеленныя, колеблющіяся отраженія деревьевъ, вспоминаетъ сказку Христины Осиповны о царевнѣ русалкѣ.

Потомъ Миша бѣжитъ посмотреть—не распустились ли новые цвѣты; ходитъ среди роскошныхъ клумбъ и нюхаетъ свои любимыя гвоздики. Но вдругъ, ни съ того ни съ сего, въ душѣ мальчика вспыхиваетъ духъ разрушенія, ему хочется съ кѣмъ-то бороться, кого-то побѣ-

дить, уничтожить... Миша ожесточенно размахивает палкой, ломает кусты, срывает лучшіе цвѣты, усыпая ими дорожки. Вотъ у ногъ его валяется алый бутонъ розы, полузатоптана снѣжно-бѣлая лилія, а рядомъ, словно пятна крови, багровѣютъ лепестки мака...

Довольный дѣломъ рукъ своихъ, Миша выскакиваетъ во дворъ. Здѣсь замѣтно особое оживленіе — поваренокъ Митька бѣжитъ съ двумя опипанными гусями, второпяхъ наступаетъ на поросенка, — слышенъ визгъ и грозное хрюканье свиньи, съ кухни доносится торопливый стукъ сѣчекъ, Овдотья, сидя на бревнышкѣ у погреба, сбиваетъ сливки, старый поваръ Андрей старательно отпускаетъ направо и налево подзатыльники...

Причина всей этой суматохи — предстоящій пикникъ, а пикникъ устраивается исключительно для развлеченія Миши. Полусознательно Миша уже чувствуетъ себя маленькимъ повелителемъ этихъ суетящихся людей.

Однако избалованному ребенку надоѣдаетъ долго оставаться зрителемъ, онъ поднимаетъ камешки и цѣлится въ куръ. Разъ, другой промахивается, но вотъ удачно пущенный камень сшибаетъ съ ногъ пеструю хохлатую курицу, курица жалобно кудахчетъ, а Миша, принявъ довольную позу, заливается громкимъ смѣхомъ.

— И-ишь, пострѣленокъ, — ворчитъ толстая ключница, но, поравнявшись съ барчонкомъ, она широко улыбается и заискивающе говоритъ: — Вотъ ловко-то, Мишенька, камешками пускаете! Ну какъ, миленькій, ваше здоровьице? Ужъ какъ посмотрю я на васъ, Мишенька, какой вы красавецъ растете, да и умомъ весь въ бабенку...

Но Мишѣ вдругъ дѣлается страшно противна толстая неповоротливая ключница со своей слащавой рѣчью. Онъ принимаетъ гордый видъ и съ презрительной улыбкой отходить въ сторону. Въ эти минуты шестилѣтній мальчуганъ становился поразительно похожъ на старуху-бабку

Къ полудню надвинулись тучи, пошелъ спорый затяжной дождь.

Убѣдившись, что пикникъ не состоится, Миша раскпризначался. Когда послѣ обѣда лакей обносилъ всѣхъ кофе, Миша закричалъ на него:

— Дуракъ, зачѣмъ ты налилъ кофе не въ мой стаканъ?!

Христина Осиповна строго посмотрѣла на мальчика, но ребенокъ, топая на лакея, продолжалъ вызывающе кричать:

— Дуракъ, дуракъ, вотъ я бабушкѣ скажу!

Послѣ обѣда сѣнныя дѣвушки пришли забавлять барчонка, но игры не ладились: Миша сидѣлъ надувшись. Въ окна барабанилъ дождь, а вѣтеръ сердито трепалъ намокшіе кудри березъ...

— Зима гораздо веселѣе, — недовольнымъ тономъ произнесъ Миша.

— Ну-къ, што же, Мишенька, давайте въ зиму играть, — предложили дѣвушки.

— Хорошо, — благосклонно согласился Миша, — только чтобы и снѣгъ шелъ.

Дѣвушки стали втупикъ, а Миша снова захныкалъ:

— Хочу, чтобы снѣгъ шелъ...

Въ это время вошла бабушка.

— Ну какъ же, Мишенька, мы снѣгъ сдѣлаемъ, — стала она уговаривать своего любимца, — потерпи, скоро настоящая зима придетъ.

Но ребенокъ стоялъ на своемъ.

— Хочу, чтобы сейчасъ снѣгъ шелъ... — И внезапно, вспомнивъ одну изъ нѣмецкихъ сказокъ, оживленно закричалъ: — Бабушка, когда снѣжная принцесса взбивала перины, на землѣ снѣгъ шелъ, — давай и мы устроимъ снѣгъ изъ перинъ.

Бабушка, обрадованная, что наконецъ-то утѣшился ея ненаглядный Мишенька, приказала дѣвушкамъ:

— Эй, дѣвки, живо тащите перины!

Черезъ нѣсколько минутъ сѣнныя дѣвушки, стоя у стѣны, дули на пухъ, горстями выбирая его изъ перины, а Миша бѣгалъ среди летающихъ пушинокъ и восторженно кричалъ:

— Бабушка, бабушка, зима пришла!

Елизавета Алексѣевна съ радостной улыбкой глядѣла на забаву внука.

Вечеромъ Миша подошелъ къ Христинѣ Осиповнѣ, прося ее по обыкновенію рассказать сказку. Но доброе лицо Христины Осиповны было грустно. Съ печальной задумчивостью посмотрѣвъ въ большіе умные глаза ребенка, она тихо сказала:

— Злой ты, Миша!.. Зачѣмъ ты сегодня бранилъ Степана?

— А бабушка вѣдь тоже бранить,—возразилъ мальчикъ.

— Бабушка большая...

— Значить, большимъ можно браниться?

— Нѣтъ, тоже нельзя.

— А бабушка бранить, значить, она злая?

— Нѣтъ, бабушка добрая, а ты извинись передъ Степаномъ,—ты напрасно его обидѣлъ.

— А помните,—бабушка тоже напрасно велѣла выдрать Тимку, значить, она тоже должна извиниться передъ Тимкой?

Мальчикъ съ пытливымъ, почти строгимъ вопросомъ посмотрѣлъ въ глаза Христины Осиповны.

— Будетъ разговаривать, пора спать,—дѣланно сердитымъ тономъ сказала бонна и позвала няню, чтобы та раздѣла Мишу.

Безпомощно остановился ребенокъ передъ первыми противорѣчіями жизни. Въ глазахъ его застыло тоскливое недоумѣніе, а между бровей на дѣтски-нѣжномъ лбу легла скорбная складка...